

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Индивидуализм в анархизме (две статьи)

Эррико Малатеста

Эррико Малатеста
Индивидуализм в анархизме (две статьи)
18 и 25 апреля 1897

«L'Individualismo nell'Anarchismo» — в L'Agitazione
(Анкона), год 1, № 6 (18 апреля 1897 г.), и «Ancora
sull'Individualismo» — в L'Agitatore Socialista Anarchico (25
апреля 1897 г.), специальный выпуск, заменивший № 7
«L'Agitatore».

ru.anarchistlibraries.net

18 и 25 апреля 1897

ше всего нравится, он делает всё, что должен, поскольку всё равно всё пойдёт хорошо, то множество необходимых работ наверняка не было бы сделано, потому что никто не любит их делать, и много других работ не было бы сделано, потому что для их выполнения ряду людей пришлось бы достичь соглашений и соблюдать их.

Правда, что почва может обильно прокормить своих обитателей и работа может быть так организована, чтобы быть удовольствием или, в худшем случае, лёгким усилием, которое каждый охотно выполнит; но её *нужно* организовывать. Вера в то, что если все будут работать наугад, когда и как им вздумается, независимо от того, что делают другие, и без координации своей деятельности или подчинения её коллективному делу, то к концу года мы обнаружим, что произведено столько-то зерна и такое-то количество машин, столько-то обуви и столько-то артишоков, достаточно, чтобы обеспечить потребности всех... равносильно тому, чтобы вверить себя в руки Божьи.

В заключение: человек нуждается в жизни в обществе, и чтобы жить в нём, он должен прийти к соглашению с другими людьми и сотрудничать с ними. Либо это сотрудничество будет достигнуто добровольно, через свободные соглашения, и будет работать на благо всех; либо оно будет достигнуто силой, через навязывание немногими, и будет эксплуатироваться для частной выгоды того, кто его навязал. Свободное и добровольное сотрудничество на благо всех есть Анархия. Принудительное сотрудничество, главным образом для выгоды определённых классов, есть авторитарный режим.

гаемся, есть так много вещей, которые мы могли бы хотеть делать, но не делаем, чтобы не досадить и не причинить неудобства другим! Мы можем добровольно отказаться и даже получать удовольствие от жертв для сообщества; и всё же мы были бы счастливее, если бы у других были иные вкусы и потребности, которые позволили бы нам делать всё, что мы хотим. Это показывает, что наша свобода раз за разом ограничивается свободой других.

И мы имеем в виду не только «вкусы и прихоти», которые почтенны, конечно, но второстепенны. Конфликты возникают естественно и когда дело доходит до удовлетворения основных потребностей, дело людей – устранить их или решить для наибольшего блага всех. У человека может быть желание или потребность съесть какую-то пищу, которую он может получить, только лишив её кого-то другого, или занять должность, уже занятую кем-то другим, и так далее и так далее. Можно попробовать предусмотреть, чтобы любой вид продовольствия был доступен или чтобы каждый был обеспечен тем-то или тем-то, но *предусмотреть это мы обязаны*.

Утверждать, что естественно и без соглашения желаемое будет произведено и окружение будет точно таким, как мы хотим, закладывает основу для ужасных разочарований. В практическом плане это означает воздерживаться от *действия* и тем самым ставить себя в положение, когда приходится мириться с тем, что будут *делать* другие.

То же самое касается работы в целом. Все должны работать, говорят они, потому что работа необходима для здоровья и она есть органическая потребность применять свои способности; и это правда. Не правда, однако, что потребность в таком упражнении будет точно соответствовать потребности людей в продуктах и спонтанно адаптируется к условиям, определяемым орудиями производства. Если бы каждый верил, что, просто делая то, что ему боль-

Оглавление

Индивидуализм в анархизме	5
Ещё об индивидуализме	10

чудесным приостановлением законов природы и должны быть следствиями уже существовавших антагонизмов. Если их уничтожить, они вырастут снова, если люди не примут мер для иного способа разрешения конфликтов, которые их однажды уже породили.

И конфликты интересов и страстей существуют и будут существовать всегда, ведь даже если бы удалось устранить нынешние конфликты до такой степени, чтобы прийти к автоматическому согласию между людьми, другие конфликты возникали бы с каждой новой идеей, зародившейся в человеческом мозгу. Да разве можно вообразить, что стоит одному захотеть чего-то нового – и у всех остальных тут же мысли повернутся в ту же сторону, и они это желание примут? Разве можно поверить, что каждая новая мысль сразу найдёт отклик у всех? И всегда ли новая идея будет верной? Неужели никто больше никогда не ошибётся? Или предполагается, что среда станет настолько однообразной, что сотрёт всякие изначальные различия между людьми и все они будут развиваться одновременно и с математической точностью одинаково? Но даже такое мёртвое единообразие пришлось бы создавать людям намеренно – ведь природа, предоставленная самой себе, вечно порождает новое и разное!

Мы не должны довольствоваться пустым словоблудием. Когда говорят, что *«свобода одного не ограничена, а дополняется свободой других»*, это утверждение возвышенного идеала, возможно, самого совершенного идеала, который может быть поставлен перед социальной эволюцией. Но если намерение состоит в том, чтобы утверждать позитивный, действительный факт или тот, который возник бы просто от уничтожения нынешних институтов, то это просто принятие объективной реальности за идеалы, порождённые в наших умах. Оставляя в стороне угнетение, которому мы как пролетарии и как управляемые подвер-

слишком уж режет им слух. Это закон природы, что живые существа должны есть, и поэтому численность и сила живых ограничены количеством пищи, подходящей для каждого вида; но природа безразлично осуществляет свои ограничения посредством катастроф, смертей от голода и вырождения. И можно привести бесконечное множество примеров.

Чтобы доказать, что природа превосходит искусство, Шарль Фурье использует странное сравнение, которое от повторения стало классическим². Наполните вазу камешками разных цветов, встряхните их, затем высыпьте на стол, и вы получите сочетание цветов более красивое, чем мог бы придумать любой художник. И это вполне может быть так... но вы точно не получите «Мадонну» Тициана; вы не получите то, что хотели бы, даже если бы это было что-то уродливое; это ключевой момент.

Дело в том, что мистический закон, по которому природа как провиденциальный поставщик устраивала бы вещи по вкусу людей, – это бессмыслица, опровергаемая всеми доказательствами, и она не выдерживает ни малейшей проверки. Фатализм может быть ещё мыслим, как бы он ни противоречил всем мотивам, которые нами движут; но оптимистический фатализм, разумная Судьба, озабоченная счастьем человеческих поколений, просто непостижим!

И почему бы любому такому закону гармонии медлить столько мириад веков, чтобы вступить в силу только после того, как мы провозгласим анархию?

Государство и частная собственность, безусловно, величайшие причины социальных антагонизмов сегодня: но эти учреждения не могли быть вызваны к жизни каким-то

² Французский социалист Шарль Фурье (1772–1837) стремился разработать системную доктрину «универсальной гармонии», которая якобы возникла бы из неограниченного высвобождения человеческих страстей. (Туркато)

Индивидуализм в анархизме

Мы не намерены в этой статье говорить о тех, кто, называя себя индивидуалистами, видит в этом оправдание для любого отвратительного поступка и кто имеет к анархизму примерно такое же отношение, как полиция – к общественному порядку, который она похваляется охранять, или как буржуа – к принципам морали и справедливости, которыми они иногда пытаются защищать свои убийственные привилегии.

Не намерены мы говорить и о тех товарищах, которые называют себя «индивидуалистами в средствах» и в борьбе, которую мы ведём сегодня, предпочитают или допускают исключительно индивидуальное действие – либо потому, что считают его более эффективным, либо из предосторожности, либо потому, что боятся, что любая организация, любое коллективное соглашение ограничат их свободу. Мы займёмся этим – что отчасти является вопросом тактики, а отчасти вопросом принципов – когда будем говорить об организации.

Сейчас мы хотим сказать кое-что об индивидуализме как философии, как общем понимании природы человеческих обществ и отношений между индивидами и группами – в той мере, в какой его исповедует (иногда почти бессознательно) часть наших товарищей.

Есть те, кто называет себя индивидуалистами в том смысле, что индивид имеет право на полное физическое, моральное и интеллектуальное развитие и что общество должно помогать, а не мешать ему в достижении наибольшего возможного счастья. Но в этом смысле мы все индивидуалисты, и это было бы просто ещё одно слово; и мы не используем это слово только потому, что, имея множество других значений, оно порождало бы лишь путаницу. Не только мы, анархисты или социалисты всех направле-

ний, индивидуалисты в вышеуказанном смысле, но и все остальные, какой бы школы или партии они ни были; поскольку индивид – единственное чувствующее, сознающее существо, и всякий раз, когда мы говорим об удовольствии или страдании, свободе или рабстве, правах, обязанностях, справедливости и так далее, мы всегда имеем в виду, всегда можем иметь в виду только живых индивидов.

Иногда, следовательно, это просто вопрос слов, и не стоит делать из этого много шума. Но часто между теми, кто придерживается индивидуализма, и теми, кто его избегает, существует реальное и значительное различие в идеях; и важно его изложить, потому что из этого вытекают серьёзные практические последствия, даже если конечные цели обеих групп могут совпадать. Не то чтобы были основания смотреть друг на друга косо и относиться друг к другу как к противникам, тем более что, как только анархисты попытались заняться «философией», возникла такая путаница идей и слов, что часто невозможно понять, согласны мы или нет. Но нам срочно нужно объяснить как следует, хотя бы для того, чтобы раз и навсегда избавиться от таких абстрактных понятий, которые поглощают всю деятельность некоторых товарищей в серьёзный ущерб реальной пропагандистской работе.

Внимательно изучая всё, что было сказано и написано анархистами-индивидуалистами, мы обнаруживаем сосуществование двух основополагающих и взаимно противоречивых представлений, которые многие из них не высказывают явно, но которые в той или иной форме постоянно всплывают – часто также в мышлении многих анархистов, не склонных называть себя индивидуалистами.

Первое из них состоит в том, чтобы рассматривать общество как совокупность автономных индивидов, самодостаточных и способных обходиться своими силами, у

стов и был единственным способом примирить их тёплое и сердечное стремление к благу всех с их идеалом общества, в котором каждый пользуется *абсолютной* свободой без всякой необходимости договариваться или достигать компромиссов с другими.

По правде говоря, элемент *гармонизма*, или, иначе говоря, *оптимистического фатализма*, можно проследить у каждого анархиста и, может быть, у каждого современного социалиста самых разных школ. Причины этого различны и противоречивы: в некоторой степени – пережиток религиозных идей, согласно которым мир был создан и устроен на благо людей; в некоторой степени – влияние экономистов, которые стремились оправдать привилегии буржуазии ссылками на некую мнимую гармонию интересов; в некоторой степени – почти исключительная популярность, которую приобрели естественные науки; плюс желание представить дело красивым и лёгким в пропагандистских целях и удобство возможности пропускать трудности, не имея необходимости с ними разбираться и их решать. И индивидуалистов можно только винить или хвалить за то, что они сделали логические выводы из заблуждения всех.

Но то, что почти все ошибались, не причина упорствовать в ошибке.

Так называемая гармония, которую можно найти в природе, означает лишь одно: само существование чего-либо означает, что условия, необходимые и достаточные для его существования, были налицо. Но у природы нет цели, или, во всяком случае, нет целей в человеческом смысле; ей нет дела до смертей, страданий и мучений человеческих существ, и они вполне могут служить компонентами её «гармонии». Кошка, поедающая мышь, – естественное явление и, таким образом, прекрасно гармонирует с космическим порядком; но если бы мы могли спросить мышью, мы вполне могли бы обнаружить, что такая гармония

ных и был способен на большее, чем остальные, то это потому, что больше остальных он жил жизнью в интеллектуальном общении с людьми настоящими и прошлыми, потому что больше остальных он пожал плоды общества – и, следовательно, был должен обществу больше.

В обществе человек может быть свободным или рабом, счастливым или несчастным, но в обществе он должен оставаться, потому что это контекст его бытия человеком. Поэтому вместо того, чтобы стремиться к некоей воображаемой и невозможной автономии, он должен искать основу своей свободы и счастья в согласии со своими собратями, объединяясь с остальными, чтобы приспособить те социальные институты, которые ему не подходят.

Равным образом, вера в некий естественный закон, согласно которому гармония автоматически устанавливается между людьми без всякой необходимости в их сознательном, намеренном действии, пуста и полностью опровергается фактами.

Даже если бы Государство и частная собственность были уничтожены, гармония не наступает автоматически, как если бы Природа занималась благами и несчастьями людей, а требует, чтобы люди сами её создали.

Но чтобы быть понятыми, нам придётся поговорить об этом подробнее... а наши читатели уже жалуются, что наши статьи слишком длинные.

В другой раз, тогда.

Ещё об индивидуализме

Мы сказали в предыдущем выпуске, что *гармонизм* – вера в естественный закон, который заставляет все вещи автоматически приспособляться друг к другу наилучшим образом, – лежит в основе мышления индивидуали-

которых нет причин быть вместе, кроме собственной выгоды, и которые могли бы разойтись, как только обнаружат, что блага, которые может предложить общество, не стоят жертв личной свободой, которых оно требует. Короче говоря, они смотрят на человеческое общество как на своего рода торговую компанию, которая оставляет или должна оставлять каждого акционера свободным вступить или выйти, как он сочтёт нужным. Сегодня, говорят они, поскольку горстка индивидов захватила всё природное или созданное людьми богатство, все остальные обязаны подчиняться правилам, навязанным обществом или теми, кто в нём господствует. Но если бы земля, если бы орудия труда были свободно доступны всем и если бы людей не ввергала в рабство организованная мощь одного класса, ни у кого не было бы причин оставаться в обществе, если бы его интересы были иными. И поскольку, как только материальные потребности человека удовлетворены, его главенствующая потребность – свобода, любой формы сосуществования, требующей хотя бы малейшей жертвы индивидуальной воли, следует избегать. «*Делай что хочешь*», взятое в самом узком и абсолютном смысле этой фразы, – вот высший принцип, единственное правило, управляющее поведением.

Далее, предполагая существование автономных индивидов с абсолютной, безграничной свободой, следует, что, как только возникает столкновение интересов и как только желания расходятся, начинается борьба. В этой борьбе одни будут победителями, другие побеждёнными, и таким образом мы возвращаемся к угнетению и эксплуатации, которые предполагалось уничтожить.

Так что анархистам-индивидуалистам, не уступающим никому в своём горячем желании блага для всех, нужен был способ более или менее логично примирить постоянное благо всех и принцип безраздельной свободы инди-

вида. И они нашли его, приняв другой принцип: принцип гармонии по естественному закону.

«Делай что хочешь», – но дело в том, говорят они, что ты, непростено и *естественно*, будешь хотеть только того, что не может нарушить равные права других делать то, что они хотят.

Один друг пишет: «*Наша свобода, разворачиваясь через полный диапазон человеческих способностей, никогда не посянёт на свободу других. Как звёзды, вращаясь вокруг своих центров, следуют особым траекториям, так и люди могут следовать своей линии свободы, никогда не пересекаясь и не впадая в хаос*». А другие, заменяя астрологию физиологией, говорят о «симпатической агломерации клеток у растений и животных»; и ещё другие – об образовании кристаллов и так далее, через всю гамму естественных наук. Никто, кажется, не помнит, хотя это можно встретить в природе, о деформированных или неудавшихся кристаллах, о борьбе за существование, космических катастрофах, болезнях, выкидышах и всём бесконечном параде бедствий и страданий.

Дисгармония и конфликт интересов – результат существующих институтов. Уничтожьте Государство: уважайте полную свободу торговли, банковского дела, чеканки монеты; пусть право собственности на землю будет связано с обязанностью обрабатывать или иным образом возделывать её лично; пусть у нас будет свободная, совершенно свободная конкуренция, – говорят анархисты-индивидуалисты школы Такера, – и в мире воцарится мир. Экономическая рента, то есть разница в ценности, с точки зрения производительности и положения, различных участков земли, исчезнет *естественно*, и конкуренция

естественно приведёт к мудрейшему использованию благ природы на пользу всем¹.

Уничтожьте Государство и частную собственность, – говорят анархисты-индивидуалисты коммунистической школы (а такая есть, несмотря на кажущееся противоречие в терминах), – и всё пойдёт хорошо: все *естественно* согласятся; все будут работать, потому что работа – физиологическая потребность; производство всегда и *естественно* будет удовлетворять потребительский спрос, и не будет нужды ни в правилах, ни в соглашениях, потому что... если каждый будет делать что хочет, то окажется, что, совершенно не зная и не желая того, он сделал именно то, что хотели остальные.

Итак, копая до самого дна, оказывается, что анархизм-индивидуализм есть не что иное, как своего рода *гармонизм* и *провиденциализм*.

На наш взгляд, основополагающие принципы индивидуализма совершенно ошибочны.

Человеческий индивид – не существо, независимое от общества, а скорее его продукт. Без общества он никогда не смог бы подняться из состояния грубой животности и стать по-настоящему человеком, а вне общества не мог бы не скатиться более или менее быстро назад к первобытной животности.

Когда доктор Стокман, главный герой «Врага народа» Ибсена, раздосадованный тем, что публика его не понимает и не следует за ним, воскликнул: «Сильнейший человек – тот, кто стоит наиболее одиноко», он просто сделал грубую ошибку, хотя его и принимали за анархиста, тогда как он был лишь аристократом. Если он знал больше остальных

¹ Американский анархист Бенджамин Такер (1843–1939) изложил свои взгляды главным образом на страницах журнала «Liberty», который он редактировал с 1881 по 1908 год и по материалам которого опубликовал в 1893 году книгу «Вместо книги». (Туркато)